

МОСКОВСКИЕ ТАЙНЫ

ДОБРОВА

А · Н · Д · Р · Е · Й
ДОБРОВ

МОСКОВСКИЕ · ТАЙНЫ · ДОВРОВА

≈ РЕЗНЯ ≈
НА СУХАРЕВСКОМ
== РЫНКЕ ==

Москва
2017

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5
Д55

Художественное оформление *Петра Петрова*

Добров, Андрей Станиславович.
Д55   Резня на Сухаревском рынке / Андрей Добров. – Москва : Издательство «Э», 2017. – 352 с.

ISBN 978-5-04-089319-5

Действие романа «Резня на Сухаревском рынке» разворачивается в Москве, в 1879 году. В доме коллекционера М.Ф.Трегубова происходит ограбление. Один из бандитов насилует племянницу Михайлы Фомича и ради развлечения забирает со стола девушки маленькую дешевую шкатулку. Казалось бы, вещь ничего собой не представляет, однако за ней начинается настоящая охота... Расследовать преступление взялись судебный следователь Иван Федорович Скопин, ветеран Туркестанских походов, и молодой пристав Захар Архипов, недавно приехавший из Петербурга. Однако они и подумать не могли, что из-за какой-то невзрачной шкатулки погибнет столько людей...

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5

© Добров А., 2017
ISBN 978-5-04-089319-5 © Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

• Пролог •

Толстый старик в стеганом домашнем халате и мягких брюках, отдуваясь, вошел в кабинет, держась рукой за свой объемный живот, едва перехваченный поясом. Он рухнул в кресло и прокашлялся, массируя пухлой рукой грудь.

Не может же Господь карать человека абсолютно за все дурное, что он совершил или помыслил! Ведь не преступник тот, кто грешит помалу. И не грешит вовсе, а потекает своим слабостям. Это и не грехи часто, а так... ерунда. Уж если человек съел сегодня за обедом целого цыпленка с картошечкой, да грудинкой, да еще и выпил бутылку рейнского — что ж, так сразу и обвинять его в чревоугодии? Цыпленок! И — смертный грех? Или вот взять сегодняшней обыск. Ну ведь она была такая... славная! Такая изящная! Такая маленькая! Удержаться оказалось совершенно невозможно. Аркадий Варфоломеевич сначала положил сверху портфель. Инстинктивно. Как рыбак закидывает удочку в то место, где рыба вдруг проклюнется на поверхность, ловя комара или водомерку. А потом, когда хозяин отвлекся, сунул шкатулку в карман. Ну какой же это грех, а? Просто сувенир на память. Да и кто схватит за руку частного пристава, даже если и заметит? Он и раньше брал сувениры в хоро-

ших домах. Служба-то тяжела и однообразна, а тут хоть какое развлечение! Иногда по вечерам Аркадий Варфоломеевич открывал сундучок и доставал оттуда свои памятные сувениры — так, мелочишку! То пару запонок с камушками, то какую-нибудь ложечку, то колечко. Медальон с детскими волосиками... где уже тот ребеночек? Наверное, вырос во взрослую даму, нарожал других ребяток, купил еще несколько золотых медальончиков и туда тоже положил прядки тоненьких светлых волосиков...

Ах, какая прелесть, например, эта шкатулка! С красивым тонким узором по крышке — черные цветы на бежевом фоне. Несомненно, старой итальянской работы.

Пересев за стол, Аркадий Варфоломеевич достал из верхнего ящика лупу, с которой уже давно читал книги и донесения, доставляемые прямо на квартиру. С возрастом глаза все еще хорошо видели вдаль, а вот вблизи почти ничего не различали. Через стекло он рассматривал узоры, потом отложил лупу и откинул крышечку. Изнутри шкатулка была обтянута лиловым бархатом. Прощупав сухими старческими пальцами ткань, пристав усмехнулся — шкатулка, кажется, имела второе дно. Вот уж удача так удача! Это как поймать хорошую рыбу, полную икры. Может, там, в потайном местечке, хранилось что-то важное? Любовная записка венецианской куртизанки? Золотой дублон? Или святая реликвия?

Аркадий Варфоломеевич снова взял лупу и принялся осматривать внутренность шкатулки. Наконец, обратил внимание на край маленькой лиловой ленточки, торчащей там, где правая стенка соеди-

нялась с основанием. Вот оно что! Можно аккуратно подцепить пальцами и потянуть.

Он так и сделал. И вдруг что-то тихонько щелкнуло, из стенки шкатулки вырос тонкий шип, который вонзился в палец пристава, а потом так же внезапно исчез.

Аркадий Варфоломеевич застыл. Медленно он поднес палец с капелькой крови к глазам, которые были расширены от ужаса. «Боже, — подумал он, — что я натворил? Шкатулка с отравленным секретом».

Он отбросил вещицу от себя, словно гадюку, встал и, пошатываясь, подошел к окну, чтобы распахнуть его и впустить в комнату больше воздуха.

Но ставни уже были заклеены на зиму — как ни дергал он ручки, все оказалось бесполезно. А до форточки он почему-то не мог дотянуться — руки не поднимались. Кровь ударила в лицо частному приставу, он захрипел и повалился на застланный ковром пол...

• 1 •

БРАТ ЗА БРАТА

В комнате с крашенными в желтый цвет стенами, за столом, покрытым клеенкой, перед ополовиненной бутылкой водки сидели двое. Окошко, занавешенное не полностью, снаружи было мокрым от вечернего холодного дождя.

Молодой, бритый налысо мужик со сломанным носом скинул рабочую куртку с широкими рукавами и остался в выцветшей зеленой рубашке с заплатами на локтях. Его засаленный картуз лежал рядом на лавке. Бритый навалился на стол, скрестив ноги в грязных сапогах. Скулы его двигались, будто он что-то пережевывал.

В комнате было жарко от кафельной печки, в которой горело два больших куска каменного угля.

Собутыльник лысого был человеком плотным и имел пышные седые усы и золотую цепочку на сером жилете. Поверх жилета он носил белый докторский халат, хотя врачом и не был, а занимал вроде неприметный пост помощника управляющего Шереметьевской больницы. Он держался расслабленно, говорил мало и небрежно.

Небольшой домик, в котором встретились эти двое, стоял на территории больницы и относился к хозяйственным постройкам. За высокой кованой огра-

дой лежал опустевший по случаю позднего времени Сухаревский рынок. Пожилой давно привык к этому соседству, мало того, он и за оградой чувствовал себя как дома. И имел на это полное право — завсегдатаи антикварных рядов, держатели лавок — все именовали его по имени-отчеству. Опытные воры, приносившие добычу скупщикам краденого, поучали новичков:

— Во, глянь на того. Это сам Тимофеев Маркел Антонович.

— А кто он, дядя? — спрашивал молодой.

— Большой человек! Да не пьялся ты так. Ты коротко посмотри да с уважением. Он тебя запомнит. Он все помнит. Все знает.

Усатый старик действительно обладал феноменальной памятью. И не менее феноменальной способностью добывать любую информацию, поскольку основным его занятием была именно скупка и хранение краденого в дальних помещениях больницы. И он же помогал преступникам попасть в больницу, оформляя их через своего человека в приемном покое по чужим документам — особенно если бандиты поступали с резаными или стреляными ранами. Тут их записывали как случайно порезавшихся или неудачных охотников.

Сейчас же Маркел Антонович принимал посетителя в своих покоях, равнодушно слушая, что говорил ему бритый.

— Отработаю. Вот тебе крест!

Тимофеев безучастно посмотрел, как сидевший напротив перекрестился, и налил себе водки, звякнув горлышком бутылки о стакан.

— Дурак ты, — сказал он беззлобно, слегка картавя. — Ты вообще понимаешь, чего предлагаешь? Чем ты мне отработаешь?

— Отработаю! — горячился бритый, косясь на водку. Ему хотелось выпить, но водка была хозяина, а тот не предлагал. — Вот те крест!

— Да хорош уж, — пробурчал Тимофеев. — Послушай, что я скажу теперь. — Он достал из кармана большой платок и вытер усы. — Только за ради твоего братца помогу. Да и ты мне потом должок вернешь. Только договоримся твердо — все, что ни скажу, сделаешь.

— Сделаю! — с готовностью кивнул бритый.

— Скажу «убей» — убьешь. Скажу — «с крыши сйгай» — прыгнешь.

— И это сделаю, Маркел Антонович.

— Ну, ладно, — равнодушно кивнул скупщик. — Налей себе. Будет у меня для тебя одна работа...

Бритый схватил бутылку и наполнил свой стакан.

— Ваше здоровье! — произнес он и моментально опрокинул водку в нутро.

Усатый прищурил карий глаз.

— Что, накипело?

— Угу. — Бритый сглотнул и утер рот рукавом рубахи. — Он же мне не просто как брат. Когда маманя и папаня померли, я за ним ходил, кормил его, сам недоедал. На работу по малости лет не брали, вот я воровать и пошел. Били меня страшно, когда ловили! А все мне веселей — когда родная душа рядом. Думал, в мастеровые отдам, женю — пусть чистой жизнью живет. И теперь из-за этого гада его в каторгу! А он же мальчонка еще. Что там с ним сделают? А?

— Известно что, — спокойно ответил Тимофеев, которого на самом деле вовсе не интересовало, что случится на каторге с молодым смазливый насильником.

— Вот! — с отчаянием воскликнул бритый. — Вот!

— Так ты и сам, когда на каторге был, разве не петушил юнцов-то? А? — поднял бровь Маркел Антоныч.

— Был грех, был, — кивнул его собеседник. — Позвольте еще полстаканчика?

— Давай.

Бритый махнул еще полстакана.

— Был грех, — повторил он виноватым голосом. — Так и жизнь на каторге — не малина. Поэтому и хочу...

— А что ты вообще хочешь? — вдруг перебил его Тимофеев. — Зачем тебе адрес?

— Пойду, в ноги бухнусь, попрошу отпустить брата. — Бритый аж подался вперед. Говорил он с убеждением человека, который с самого начала отогнал всякое сомнение в неудаче своего намерения.

— Да? — насмешливо спросил Тимофеев. — А как он не согласится?

Бритый снова сел на лавку.

— Тогда кончу его. Брата не спасу, так хоть отомщу.

Маркел Антонович подумал, а потом покачал головой.

— Адреса я тебе его не дам. Впрочем, по адресу его искать — только время даром тратить. Он там редко бывает. А если хочешь с ним переведаться, то сходи на Александровскую улицу, найди трактир «Лазаревский». Он там по вечерам бывает со своим денщиком. Пьет. Как уж ты с двумя управисься, я не знаю, но так это — твоя забота. Оружия он с собой никогда не носит. Но ты поберегись: Скопин — мужик ушлый, воевал в Туркестане. И большой на всю голову, хоть и судебный следователь.

С такими связываться — себе дороже. Подумай наперед. И главное запомни: если попадешься и тебя спросят — откуда узнал...

— Ни-ни! — замотал головой бритый. — Христом богом клянусь!

Третий вечер уже приходил бритый в «Лазаревский» трактир, садился за стол у дверей, лицом к залу, прямо под выцветшей картонкой с изображением толстой русалки, которую огромный кот тянет за хвост, брал бутылку портера и ждал. Трактир был самый обычный — состоял из двух комнат. В первой, крохотной, имелся винный буфет с тарелками, на которых засыхали кучки квашеной капусты, болотного цвета соленые огурцы или моченые головки чеснока. Старый однорукий инвалид сгребал рукой мелочь, бросаемую на стойку, и наливал той же рукой шкалик или чарку водки из зеленого. Сюда забегали на минутку: похмелиться или добавиться, а то и просто смочить горло. Желавшие посидеть подольше, поговорить, поесть и выпить основательно шли в большой зал с двумя окнами, которые мыли один раз в году — на Пасху. А в остальное время окна стояли заросшие пылью, свечной копотью да жиром. В большом зале имелось несколько столов, накрытых непременно московскими скатертями. И у каждого стола — по три крепких и грубых стула. Освещалось все это помещение газовой лампой, висевшей в центре потолка. Однако хозяин, похоже, экономил и прикручивал газ в люстре до минимума — так, чтобы посетитель мог различить стакан, но таракана, плававшего в миске с кашей или рагу, мог уже и не заметить.

Как сразу заметил бритый, половых было двое — дед и внук. Причем внук явно совсем недавно приехал из владимирской деревни, и потому дед все время его учил подзатыльниками, не особо скрываясь перед посетителями, которые к такой учебе относились одобрительно, потому как жалеть дите — только портить.

Первые два дня на бритого косились — он был не местный. Пару раз даже подкатывались, чтобы переведаться, пощупать новичка. Но бритый просто тарашился исподлобья и в разговоры не вступал. От него отходили, чувствуя, что он — не просто так пришел и что он, похоже, бешеный и ждет тут кого-то. Конечно, если бы местные выяснили, кого ждет этот громила, они бы предупредили жертву, которая, скорее всего, была из своих. Но на нет и суда нет. На третий вечер на него просто перестали обращать внимание. Тут-то и явился человек, за которым охотился бритый. Поначалу бритый его даже не узнал.

Он пришел в кабак как к себе домой, здороваясь лениво. Плюхнулся за стол у стены, не снимая серой солдатской шинели, просто бросил на скатерть старое кепи с давно не чищенным козырьком. Пожал руку подошедшего полового-деда и сказал ему несколько слов. Тот поклонился и пошел на кухню, передавать заказ.

Прибежал внук с бутылкой водки и стаканом. Налил полную, получил мелкую монетку на чай — украдкой от деда.

Сидевшие в кабаке мужчины сдержанно вставали, подходили к пришедшему и здоровались. Тот никого не звал присесть с собой, никого не угощал.

Наконец, человека в шинели оставили в покое. Он привалился к стене, пододвинул к себе другой стул и положил на него ногу в грязном сапоге.

Бритый опустил глаза и только теперь заметил, что кулаки его сжаты до белизны косточек. Осторожно он разжал кулаки и положил ладони, как чужие, на скатерть.

Подняв снова взгляд, бритый увидел, что человек в шинели смотрит прямо на него. Отросшие черные волосы с сединой неопрятно спускались к вискам. Мужчина был небрит, с красными от пьянства глазами.

— Ты кто такой? — спросил он. — Раньше не виделась?

Бритый опустил руку под стол и коснулся ножа в кармане. Он знал, что ответить, но краем глаза заметил, что мужики в кабаке снова начали на него коситься. Поэтому встал, высыпал на скатерть монеты, снял с гвоздя свою куртку и быстро вышел.

На улице он привалился к стене и запрокинул голову, ловя ртом капли дождя. Бешенство сжимало его сердце костяным кулаком, но он знал, что надо просто подождать. Просто подождать, когда враг выйдет на улицу. Надо просто подождать, когда он пройдет вперед, где кончается слабый свет фонаря. Когда враг войдет во тьму.

Скопин проводил взглядом вскочившего громила в черной куртке и криво ухмыльнулся. Он был пьян еще до прихода в кабак. Сказать по чести, пить сегодня он начал еще с утра, чтобы отвязаться от очередного кошмара, приснившегося, как всегда, перед рассветом. И хотя сон совершенно стерся из его памяти уже к полудню, ощущение томительного ужаса все не проходило.

Он не знал, можно ли вылечить водкой сумасшествие. Но был уверен в том, что ходит по самому краю пропасти — ведь эти кошмары, эти сатанинские видения, которые не зависели ни от его силы воли, ни от его желаний, они несомненно доказывали, что если он еще не сошел с ума, то точно сойдет. Не могут нормальному человеку сниться такие адские кошмары.

Иван Федорович налил стакан и вялой рукой поднес его ко рту. Пить больше не хотелось. Его тошнило от одного запаха водки. Но он заставил себя выпить, проливая водку на подбородок, — выпить, чтобы этой ночью уснуть без снов.

Пожалуй, еще один стакан, и цель будет достигнута. Один и еще один. Если он уснет прямо здесь, не беда, верный Мирон, его бывший денщик, придет ближе к полуночи и оттащит домой. Он всегда так делает.

Как тогда он на себе притащил его в Самарканд, ночью. А утром первого июня город уже был окружен. Генерал-губернатор Кауфман с основными силами выступил на Каты-Курган. В городе осталось менее шестисот человек гарнизона. Госпиталь оборудовали прямо в цитадели, и Скопин был далеко не первым его пациентом. Прямо на земле, на реквизированных из окрестных домов одеялах и коврах лежало не менее 450 раненых и больных. Полковой доктор Ригер разорвал на Иване рубашку и попытался подсчитать резаные раны. Но все было в запекшейся крови. Кто-то, кажется молодой ассистент Ригера, сбегал к колодцу и принес кожаное ведро воды, которую с размаху вылили на грудь Ивана, чтобы смыть кровь корпией. Руки ассистента дрожали.